

Содержание

Константин Лаппо-Данилевский. Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо. С присовокупление всенощных праздников Венеры и других стихотворений»	3
Ольга Макаревич. Педагогическая цензура Министерства народного просвещения и первые издания Комитета грамотности: Эпизод из истории «народной» литературы	16
Александра Пахомова. М. А. Кузмин в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов	35
Александр Кобринский. Об одном кузминском следе в записных книжках Даниила Хармса	55
Всеволод Зельченко. Три маргиналии к прозе Павла Муратова	70
Григорий Утгоф. «Я иду по дорогѣ одинѣ»: Из заметок о текстологии романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» / «Glory»	81
Роман Тименчик. К биографии Осипа Мандельштама: 1937 год	92
Олег Лекманов. «Все эти туристические впечатления не трогали моей души...». «Алмазный мой венец» В. П. Катаева: Из дополнений к комментарию	107
Тираж 500 экз.	

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ISSN 2587-8190

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2019 XV (1)

Летняя школа по русской литературе

2019 (1)

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Contents

Konstantin Lappo-Danilevsky. Ivan Vinogradov's Unpublished Book Anacreon and Sappho, with the Addition of "The Vigil of Venus" and Other Poems. 3

Olga Makarevich. The Pedagogical Censorship of the Ministry of National Education and the First Editions of the Committee for Literacy: An Episode from the History of "Mass" Literature 16

Alexandra Pakhomova. Mikhail Kuzmin in the Petrograd Branch of the All-Russian Union of Poets 35

Alexander Kobrinsky. A Kuzminian Subtext in Daniil Kharm's Notebooks 55

Vsevolod Zelchenko. Three Marginalia to Pavel Muratov's Prose. 70

Grigori Utgof. "I Walk Along the Road Alone". A Textological Note on Vladimir Nabokov's Podvig (Glory). 81

Roman Timenchik. Towards the Life Story of Osip Mandel'shtam: 1937. 92

Oleg Lekmanov. "All These Tourist Experiences did not Touch my Soul" (Some Additions to Annotations to Valentin Kataev's My Diamond Crown). 107

Editorial Board:

Alexey Balakin, Elena Glukhovskaya,

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Olga Makarevich, Alexandra Pakhomova, Alexandra Chaban

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АЛЕКСАНДРА ПАХОМОВА
(Тарту)

М. А. КУЗМИН В ПЕТРОГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ

Статья посвящена анализу динамики литературной репутации Кузмина в 1920-е годы, пришедшиеся на его членство в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов. Союз поэтов, как одна из основных пореволюционных писательских организаций Петрограда, менялась под влиянием политики государства в области литературы и культуры. Как мы пытаемся показать, статус Кузмина в писательском сообществе был напрямую связан с задачами, которые ставили себе основатели Союза: на 1920–1921 годы, ознаменованные попыткой возвращения к преемственному развитию литературы, пришелся резкий взлет популярности Кузмина; начиная с 1923 года, когда изменилась модель развития литературы, поэт постепенно был оттеснен на периферию литературного процесса.

Ключевые слова: М. А. Кузмин, Всероссийский Союз поэтов, А. А. Блок, литературная репутация.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова, докторант Тартуского университета. Тарту, Эстония.

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Mikhail Kuzmin in the Petrograd Branch of the All-Russian Union of Poets

The article discusses dynamics of Mikhail Kuzmin's literary reputation in the 1920th, when he has been a member of the Petrograd branch of the All-Russian Union of Poets. The Union of Poets is one of the main organizations of writers in post-Revolutionary Petrograd. It has been reformed under the state policy in the field of literature and culture. Kuzmin's reputation in the community of writers is strictly related to the tasks set by the founders of the Union. Kuzmin's popularity rises in 1920–1921, when the Union has been considering its main goal a return to successive development of literature. Starting from 1923, since the development model for

literature has changed, Kuzmin is gradually relegated to the periphery of the literary process.

Key words: Mikhail Kuzmin, The Union of Poets, Aleksander Blok, literary reputation.

About the author: Aleksandra Pakhomova, PhD-student of the University of Tartu, Tartu, Estonia.

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-1-35-54

I

Первые послереволюционные годы остаются малоизученным периодом жизни и творчества Михаила Кузмина,¹ что совершенно не характеризует это время как малопродуктивный или «темный» период его биографии. Напротив, Кузмин отзывается на революционные события 1917 года не только приветствующими революцию стихами, но и вступлением в целый ряд организаций, объединяющих деятелей искусства пореволюционного Петрограда (Союз деятелей искусств; Всероссийский Союз Писателей, Всероссийский Союз поэтов).²

В настоящей работе мы хотим сделать первые подступы к теме изучения деятельности Кузмина в пореволюционных союзах и организациях, остановившись на одной из них — Петроградском (Ленинградском) отделении Всероссийского Союза поэтов, одном из наиболее крупных писательских объединений Петрограда первых пореволюционных лет.

¹ Наиболее полно вся существующая информация суммирована в биографии Кузмина: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. М., 2013. С. 241, 257.* («Жизнь замечательных людей»). Отдельным эпизодам деятельности автора в это время посвящены работы А. Г. Тимофеева (*Тимофеев А. Г. 1) Прогулки без Гуля? (К истории организации авторского вечера М. А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 178–196; 2) Еще раз о вечере М. Кузмина в студии «Синяя птица» (1924) // Новое литературное обозрение. М., 1993. № 3. С. 158–160; 3) Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: Новые материалы по истории «русского Берлина» // Русская литература. 1991. № 1. С. 189–204) и Г. А. Морева (*Морев Г. А. К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 351–375*).*

² *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. С. 241.*

Восстанавливая историю участия Кузмина в Союзе, мы попытаемся описать, как именно происходило взаимодействие поэта с изменившимися после революции условиями существования литературы и какое место в литературном процессе начала 1920-х годов отводилось Кузмину.

Эпоха первых послереволюционных лет давала широкие возможности для смены социальных ролей: «В такие переломные моменты отдельному человеку приходится „пересотворять“ себя, находить или создавать в самом себе личность, подходящую для нового послереволюционного общества. Процесс пересотворения является одновременно процессом реконфигурации (новой организации сведений о себе) и открытия (новой интерпретации их значения)».¹ Соотнесение истории литературных организаций и процесса изменения (конструирования) литературной репутации может ярче осветить моменты их взаимовлияния, трансформации конкретных литературных стратегий под влиянием политики государства в сфере искусства.

Кузмин вступил в Петроградское отделение Союза поэтов в 1920 году, занимался его возрождением в 1923–1924 годах,² был вероятным претендентом на пост председателя Правления Союза, но не вошел в итоговый его состав. Такая траектория деятельности Кузмина в Союзе позволяет поставить несколько вопросов: чем репутация Кузмина в период создания и деятельности первой итерации Союза (1920–1921) отличалась от его репутации на момент создания второй (1923–1924)? Какие перемены в литературной и общественной ситуациях, пришедшие на эти годы, повлияли на изменение вектора деятельности Союза и, как следствие, на изменение статуса Кузмина в нем? Наконец, чем можно объяснить неожиданно возросший «символический капитал» Кузмина на момент реорганизации Союза?

¹ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2005. С. 11.

² Историю Союза поэтов см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 83–139.

Пример деятельности Кузмина в пореволюционных писательских организациях может быть показателен и в самом широком смысле — он демонстрирует один из возможных путей адаптации писателей, вступивших в литературу в начале 1900-х годов, к пореволюционным реалиям.

II

Союз поэтов создавался как организация культурно-просветительская, цель его в Уставе 1920 года была обозначена как «духовно-экономическое объединение членов Союза во имя революционного строительства нового искусства».¹ Не будучи профсоюзной организацией как таковой, Союз тем не менее ставил себе те же задачи, которыми занимались пореволюционные профсоюзы. А. А. Блок, первый председатель Союза, подчеркивал материальную сторону его деятельности: «Мы все тут разные, может быть, и общего языка не будет. Но материальная помощь нужна многим, нужны пайки <...> Начнем с материальной заботы о наших поэтах, а может быть, выйдет и что-нибудь большее».² Подобные задачи в целом были характерны для литературных организаций рубежа 1910–1920-х годов (Дома литераторов, издательства «Всемирная литература» и т. д.),³ целью которых было улучшение быта литераторов, зачисленных как интеллигенция, «не состоящая на общественной службе», в последнюю, четвертую, категорию граждан для получения продуктов питания,⁴ что означало существенное сокращение ресурсов и постоянное нахождение писателей на грани выживания.

¹ Устав Всероссийского Союза поэтов, утвержденный Наркомпросом. Цит. по: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности. С. 123.

² *Блок А. А.* <Выступление на первом собрании поэтов> // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 433.

³ *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение): Период становления. 1920–1923 г. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 10–11.

⁴ Декреты по продовольствию: (Сборник руководящих, основных декретов, постановлений и распоряжений Центральных органов Советской власти по организации снабжения и распределения продовольствия и предметов массового потребления): С октября 1917 по 1 ноября 1918. Пг., 1918. Вып. 1: Организация снабжения и распределения продовольствия. Ч. 1. С. 83.

После оформления Петроградского отделения Союза (лето 1920) стала ясна его особая позиция. Несмотря на поставленные практические задачи, основную цель организации Союза петроградские поэты обозначили как создание «на особых, петербургских началах: учредители хотели, помимо защиты профессиональных интересов, найти в стенах союза возможность говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы».¹ Иными словами, Союз поэтов с самого начала своего существования объявлял себя не столько поддерживающей писателей организацией, сколько творческим объединением, разделяющим определенные цели и ценности — колебания между этими двумя полюсами характеризуют первые годы деятельности Союза.

К 1920 году в Петрограде уже существовало Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей, поэтому необходимости в создании отдельной поэтической организации не было (многие из участников Союза поэтов, в том числе Блок и Кузмин, уже были к 1920 году членами Союза писателей²). Специальный Союз для поэтов выделял его членов из общей писательской среды. Доступ в такой Союз предоставлялся немногим: в отличие от Союза писателей (членом которого мог быть признан «всякий, у кого имеются литературные по форме и значению труды, как в области художественного творчества в широком смысле слова, так и в разных областях знания или философского и публицистического мышления»³), Союз поэтов тщательнее охранял свои границы, разработав сложную систему приема новых членов: «...редакционная коллегия рассматривает книжку стихов не менее чем в 5 печатных листов; такая книжка считается явным профессиональным признаком,

¹ [Б. п.] Союз поэтов // Дом искусств. 1921 [1920]. № 1. С. 74.

² См. анкету Кузмина с резолюцией о принятии в Союз писателей от 27 июля 1920 года: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 420. Л. 28.

³ Инструкция Петроградского отдела Всероссийского профсоюзного союза писателей ко 2-му § Устава. Цит. по: Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 129.

благодаря которому коллегия может быть более снисходительной к оценке. Если же книжки нет, то в редакционную коллегия представляется не менее 10 стихотворений, в рукописи или в печатном виде. В случае, если художественная ценность стихов признана, автор принимается либо в действительные члены Союза, либо в члены-соревнователи». ¹ «Приемочная» комиссия прочитывала стихи и выносила свои резолюции об их «художественной ценности», определяя, таким образом, достоин или нет их автор стать членом Союза. По воспоминаниям Н. Павлович, «особое внимание было обращено на состав приемной комиссии. Мы ждали новых людей, надеялись на приток свежих сил. Поэтому членами приемной комиссии были избраны наиболее авторитетные поэты: Блок, Гумилев, Лозинский и Кузмин». ²

Назначение в приемочную комиссию известных поэтов Петрограда еще более ужесточало правила приема: в Союз могли вступить только те, кто мог бы удовлетворить требованиям «мэтров», что дополнительно обеспечивало однородность поэтической среды. ³ Из более чем 80 заявлений, поданных за период 1920–1921 годов, было удовлетворено не более 10. ⁴ На первый взгляд, для такой жесткости не было видимых причин — Союз поэтов был общественной организацией, не ограниченной в количестве членов (даже напротив — если бы их было больше, удалось бы помочь большему числу нуждающихся), однако забота о составе была, по-видимому, для Союза весьма важна. Как нам представляется, это связано с тем, что на первом этапе своей деятельности Петроградский Союз стремился наследовать дореволюционным кружкам и группам и сохранить культур-

¹ Блок А. А. <Выступление на вечере С. Городецкого и Л. Рейснер> // Собр. соч. Т. 6. С. 435.

² Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке / Публ. З. Г. Минц и И. А. Чернова // Блоковский сборник: Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962 г. Тарту, 1964. С. 469.

³ Пролетарских поэтов первоначально не рассматривали как потенциальных членов союза (См.: [Б. п.] Союз поэтов. С. 74).

⁴ Блок А. А. Неопубликованные рецензии / Приг. к печати П. Медведев // Памяти Блока: Сборник материалов / Под ред. П. Н. Медведева. Пг., 1923. С. 64.

ную атмосферу начала века, обеспечив — хотя бы в рамках одной организации — видимость автономии литературы¹ и существования ее по собственным, внутренним законам. Эти законы были эксплицированы в отзывах приемочной комиссии.

Требования, которые выдвигались к кандидатам в члены Союза, не были сформулированы прямо — право выбирать новых членов было доверено тем писателям, в авторитете и таланте которых никто не сомневался. Анализ сохранившихся в различных архивах отзывов приемочной комиссии за 1920–1921 годы² дает представление о дискурсивных практиках, определяющих выбор «достоинейших». Отзывы о стихах насыщены риторикой, которой оперировали поэты, оценивая друг друга в рецензиях и критических разборах 1900–1910-х годов: в качестве критериев отбора фигурировали понятия «настоящий поэт» («В лице В. В. Третьякова мы имеем настоящего поэта, понимающего серьезные задачи поэзии» — отзыв Кузмина, 1, с. 693), «неподдельный и сильный лиризм» («В стихах М. Георгиевского неподдельный и сильный лиризм» — отзыв Блока, 1, с. 687), «неомощность языка» («Своеобразие есть, но проявиться ему часто мешает беспомощность формы, неомощность языка» — отзыв М. Л. Лозинского, 1, с. 687), «подлинная поэтическая сила» («Сплошь да рядом в стихах, куда менее грамотных, мы видим подлинную поэтическую силу, оригинальность» — отзыв Лозинского, 1, с. 691). Гумилев так выразил общее мнение о принципах отбора: «В Союз поэтов действительными членами принимаются именно поэты, а членами-сотрудниками те, о ком есть

¹ Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение). С. 10–11.

² Сохранившиеся отзывы опубликованы в: 1) Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисл. и публ. М. Вс. Рождественской, комм. Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. С. 687–691; 2) II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Д. Тименчика. Там же. С. 694–695; 3) Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности. С. 96–98. Далее при цитировании отзывов в скобках указывается порядковый номер публикации и страница.

основания полагать, что они станут поэтами» (1, с. 691; курсив автора).¹

За риторикой оценивания просматривается важный для самих рецензентов способ понимания «поэта» и «поэзии», связанный с литературой и культурой начала XX века. Так, о стихах Дм. Крючкова Блок написал, что Крючков «слабый поэт, но чувствует и понимает поэзию», а Гумилев — «Дм. Крючков во всяком случае поэт» (1, с. 691). Кто такой «поэт» из этих отзывов не ясно, однако в этих резолюциях видны как следы сакрализации литературного труда («поэт» есть поэт «божьей милостью» — его талант очевиден, понятен и не нуждается в дополнительных разъяснениях), так и некое, понятное для уже наделенных статусом «поэта» разделение поэтов на «настоящих» и «не настоящих». Можно также отметить удивительное единство столь разных поэтов, какими были члены «приемочной» комиссии, в вопросах отбора новых членов — не сохранилось ни одной рецензии, в которой решение было бы не единогласным.

Статус «поэта», сформированный в среде, для которой решающее значение имел символический капитал, пытался нести ощутимые экономические блага (паек). В случае Союза поэтов произошло сочетание практик литературной группы и профессионального союза² — предполагалось, что поэт, как и любой другой рабочий, мог иметь свой профсоюз, но вход в него осуществлялся не по факту обладания какой-то профессией, а по степени «таланта» и духовной (и поколенческой) общности с другими его членами. Несмотря на обозначенные как помощь литераторам цели, несмотря на статус «союза» и попытки заняться профсоюзной работой,

¹ О распространении модели «поэт — не-поэт» в критике Гумилева см.: Лекманов О. А. Книга об акмеизме // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 42–43.

² Возможность перерождения Союза в объединение иного типа предполагал Блок: «И, может быть, если бы все мы, с трепетом и верой в величие эпохи, приникли ближе к сердцу этой бурной стихии <...> Союз наш стал бы не только профессиональным союзом, а союзом более реальным, глубоким и новым» (Блок А. А. <Выступление на вечере С. Городецкого и Л. Рейснер>. С. 438).

Союз поэтов в 1920–1921 годах — во многом неосознанно — продолжал оставаться литературным объединением начала XX века, что нашло выражение в его деятельности.

III

В середине 1920 года Кузмин был членом «приемочной» комиссии. В своих отзывах он выказывал понимание настоящего поэта, достойного вступления в Союз, как наделенного не подлежащим сомнению поэтическим дарованием (или не наделенного им, что лишало права вступать в Союз и, следовательно, права называться поэтом): «...стихи приличные, а в последних двух можно заметить и поэтическое влияние...» (1, с. 690); «Отчего же не принять, хотя поэтом он вряд ли будет» (1, с. 691); «Стихи... нахожу интересными, культурными и дающими вполне автору право быть принятым в „союз поэтов“» (2, с. 694). Понимание поэтического дарования как «подлинного», органичного, не нуждающегося в дополнительных доказательствах, было исключительно важно для его собственной творческой практики. В словаре Кузмина на протяжении долгих лет слово «подлинный» (в значении «настоящий», «истинный») оставалось наивысшей оценкой любого явления искусства: театра («Прежде всего нужно отметить дух простонародной торжественности, трагичности и подлинный темперамент, что проявился в исполнении и постановке»),¹ актерской игры («Эдипа он <Ю. М. Юрьев. — А. П.> взял как подлинный трагический актер»²), литературы («...З. Гиппиус — подлинный и весьма значительный поэт с редкой концентрацией, ритмическим богатством, остротою чувства и мысли, большою четкостью, но поэт безуханный, без очарования, без певучести...»³). Называя то или иное явление литературы «подлинным», Кузмин нередко подчеркивал противопоставление групповой выучки (или иных форм институционализации

¹ Кузмин М. «Дочь Иорис» // Кузмин М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 173. Далее критика Кузмина цитируется по этому изданию с указанием номера страницы.

² Кузмин М. «Царь Эдип». С. 155.

³ Кузмин М. [Рец. на:] Гиппиус З. Н. Собрание стихов: Книга вторая... С. 91.

литературы) «истинности» поэтического дарования. Поэт, по Кузмину, — не тот, кто ведет себя, как поэт (или входит в объединения поэтов), а тот, кто обладает неподдельным талантом: «...мало кого может интересовать, символист ли Сологуб, когда он просто Сологуб, один из задушевнейших и подлиннейших поэтов».¹ Поощряя в начале 1920-х дарование Анны Радловой, Кузмин особенно подчеркивал ее независимость от поэтических групп и школ, не ограничивающих таланта поэтессы: «...органический рост подлинного дарования Радловой очевиден для всякого непредубежденного человека. Противодействия этому оригинальному и единоличному началу со стороны разных „поэтических“ организаций, приемы, отнюдь не поэтические, борьбы только подчеркнули значительность этого явления».² Защита Радловой была во многом выпадом Кузмина против чрезмерной «формализации» искусства: в посвященных ей статьях автор отчасти проговаривает собственные критерии оценки поэзии, которым, вероятно, следовал и во время работы в «приемочной» комиссии: «Легче ткнуть пальцем в четвертый пэон, чем указать на вяние творческого духа, которое одно только и делает искусство живым и нестареющим».³ Так же Кузмин оценил стихи Н. Оболенской, противопоставляя «волнение» поэтического чувства «механике» стиха: «Стихи ничего себе, хотя „волнующие“ строчки несколько механически сделаны» (2, с. 694). В своих категориях оценки Кузмин солидарен с другими рецензентами: на короткое время Союз объединил поэтов, творческие искания которых до революции были различны, но которые сплотились в начале 1920-х для поддержания и упрочения культурной среды начала XX века, «хранителями» которой они себя ощущали.

Одним из первых мероприятий Союза было устройство юбилейного вечера, посвященного 15-летию литературной деятельности Кузмина 29 сентября 1920 года.⁴ Выбранная дата опиралась на собственную мифологию автора, отсчитывавше-

¹ Кузмин М. Сумеречная Дульщина. С. 354.

² Кузмин М. Парнасские заросли. С. 406.

³ Кузмин М. Крылатый гость, гербарий и экзамены. С. 620.

⁴ Протокол заседания Петербургского отделения Всероссийского Союза поэтов от 7 сентября 1920 г. Цит. по: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского. С. 691–692.

го свою литературную деятельность с публикации в «Зеленом сборнике стихов и прозы» в 1905 году.¹ Сохранившиеся программы вечера дают представление о его масштабе — Кузмина чествовали лучшие литературные силы Петрограда: А. А. Блок, Н. С. Гумилев, Б. М. Эйхенбаум, В. А. Чудовский, С. М. Алянский, В. М. Шкловский и др.²

В приветственной речи Блока фигура Кузмина становится своего рода олицетворением миссии Союза: «В вашем лице мы хотим охранить не цивилизацию, которой в России, в сущности, еще и не было, и когда еще будет, а нечто от русской культуры, которая была, есть и будет».³ Кузмин объявлялся тем самым «подлинным» поэтом, которого искал Союз (см. в речи Блока: «*поэта* Кузмина»): «...поэтов, как вы, на свете сейчас очень немного».⁴ К такой мифологии поэта Блок вернется в другой знаменитой речи — «О назначении поэта», прочитанной им на торжественном собрании Дома литераторов в период «Пушкинских дней», прошедших в Петрограде в январе–феврале 1921 года в годовщину смерти Пушкина.⁵ В юбилейном приветствии Кузмину Блок говорил о поэте-носителе «вечных ритмов»: «...многое пройдет, что нам кажется незыблемым, а ритмы не пройдут, ибо они текучи, они, как само время, неизменны в своей текучести. Вот почему вас, носителя этих ритмов, поэта, мастера, которому они послушны <...> мы хотели бы и будем стараться уберечь от всего, нарушающего ритм, от всего, заграждающего путь музыкальной волне».⁶ Эти мысли уточнились в «пушкинской»

¹ См. автобиографию Кузмина: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2. Как доказал П. В. Дмитриев, самая первая публикация автора относится к 1898 году: Дмитриев П. В. К вопросу о первой публикации М. Кузмина // Дмитриев П. В. Михаил Кузмин: Разыскания и комментарии. СПб., 2016. С. 23–28.

² Жизнь искусства. 1920. 5 октября. № 574. С. 2. Свидетельства о вечере см.: Дом искусств. С. 74; Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1921 / Публ. Н. К. Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 384.

³ Блок А. А. <Юбилейное приветствие М. Кузмину> // Собр. соч. Т. 6. С. 439.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом: Malmstad J. E. Mikhail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.]. München, 1977. Т. 3. С. 256–260.

⁶ Блок А. А. <Юбилейное приветствие М. Кузмину>. С. 440.

речи, где поэт был назван «сыном гармонии»: «...Поэт — сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых — освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых — привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих — внести эту гармонию во внешний мир».¹ Соположение «кузминской» и «пушкинской» речей Блока проясняет его отношение к Кузмину — его, как и любого «подлинного» поэта, Блок сближает с Пушкиным.

Соположение Кузмина и Пушкина нашло отражение в статье В. М. Жирмунского, написанной к юбилею Кузмина: в ней критик уподобил литературную ситуацию первых пореволюционных лет (изживание символистского направления с его поэтикой «неясных намеков и метафорических иносказаний»²) романтизму начала XIX века (периоду «байронических поэм»), а Кузмина — изменившему пути развития русской литературы Пушкину. Согласно Жирмунскому, в творчестве авторов заметно возвращение к «классической простоте, строгости и точности в выборе и употреблении слов» и «внимательность к запоминающимся и „милым“ мелочам внешней жизни».³ Примерами этого становятся «Александрийские песни», стихотворения сборников «Сети» и «Вожатый»: знаменитые «шабли во льду, поджаренная булка» Кузмина, так же, как когда-то «страсбургский пирог» Пушкина, становятся приметамы новой лирики.

Сравнение Кузмина с Пушкиным в двух характерных текстах эпохи, принадлежавших ее видным деятелям, показывает, как в начале 1920-х годов конструировалась репутация Кузмина: в пореволюционное время Кузмин — мэтр, учитель, наследник великой литературной традиции, способный вернуть русскую литературу на «пушкинский» путь. Проблема «первого» поэта, занимавшая многих деятелей литературы, и проблема «подлинного» поэта, ставшая определяющей при создании Союза поэтов, решалась обращением к наследию

¹ Блок А. А. О назначении поэта // Собр. соч. Т. 6. С. 161–162.

² Жирмунский В. Поэзия Кузмина // Жизнь искусства. 1920. № 576. 7 октября. С. 1.

³ Там же.

и риторике прошлых эпох и поиском «связующей» фигуры, способной восстановить связь культурных эпох поверх произошедшей революции и быть равной главному поэту русской литературы — Пушкину.¹ Эти поиски сошлись в одной точке. Начало 1920-х годов — период резкого взлета литературной репутации и символического статуса Михаила Кузмина.

IV

Союз поэтов под председательством Блока (а после его смерти — Гумилева) прекратил свою деятельность к концу 1921 года, создание нового Союза было предпринято летом 1923. Столь незначительный промежуток времени был наполнен существенными событиями. Государство обратило пристальное внимание на литературу: «Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу <...> необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня».² Существование обществ и союзов было поставлено в прямую зависимость от вышестоящих инстанций: осенью 1922 года ужесточились меры регистрации обществ и союзов (обязательными становились регистрация в Губисполкоме и НКВД, ежемесячное предоставление отчетов и ежегодная перерегистрация³).

Летом 1923 года было назначено оргбюро нового Союза в составе Н. С. Тихонова, Г. Б. Шмерельсона, Е. Г. Полонской, К. К. Вагинова, В. В. Смиренского и Л. И. Борисова⁴ — преимущественно молодых авторов, только вошедших в литературу и выпустивших свои первые сборники. Новый союз, в отличие от своего предшественника, ориентировался на пооктябрьское

¹ Об этом см.: *Кларк К.* Петербург — горнило культурной революции. М., 2018. С. 238–243.

² Двенадцатый Съезд РКП(б): 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 710.

³ *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз поэтов. С. 86; *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности. С. 98–99.

⁴ Протокол собрания группы петроградских поэтов об организации Петроградского отделения Всероссийского Союза Поэтов и выборах оргбюро // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 2.

поколение. Одним из первых предприятий нового Союза стал поиск председателя, способного сплотить вокруг себя литературную молодежь и выступить для них своего рода «мэтром».

После смерти Блока и расстрела Гумилева в числе самых заметных поэтов Петрограда оставался Кузмин, упрочивший свою литературную репутацию выходом в 1921–1923 годах целого ряда новых поэтических книг, переизданий, сборника статей. В эти годы Кузмин становится одной из ключевых фигур литературного Петрограда — к нему обращались за поддержкой участники образовавшегося литературного кружка «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова»,¹ заведующий иногородным отделом московского Союза поэтов Н. Н. Захаров-Мэнский просил Кузмина «своим авторитетом» помочь организовать собрание петроградских поэтов.² В начале 1920-х годов Кузмин стал посещать дом Наппельбаумов, вокруг которого группировалась литературная молодежь,³ организовал объединение эмоционалистов. Все это свидетельствует об интересе как молодежи к фигуре Кузмина, в котором они видели «мэтра», могущего объединить молодых поэтов, так и самого Кузмина — к этому статусу.

Оргбюро петроградского Союза окончательно сформировалось в начале февраля 1924 года, первые его собрания проходили на квартире Кузмина, о чем свидетельствует сохранившаяся записка Шмерельсона К. Сюннербергу.⁴ Однако к моменту первого официального собрания поэтов (6 апреля 1924 года) имя Кузмина исчезло из списков кандидатов в члены Правления — вместо него в состав оргбюро были введены деятель Пролеткульта П. Арский и председатель секции печати Губернского отделения Всероссийского Союза работников просвещения Н. Энгель. На собрании 12 апре-

¹ История подробно описана: Тимофеев А. Г. Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома: (Некоторые дополнения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 53–55.

² Письмо Захарова-Мэнского Н. Н. Кузмину М. А. 19.01.1924 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1.

³ Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. С. 282.

⁴ Опубл.: Кобринский А. А. Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 73.

ля было избрано Правление в следующем составе: «председатель — Садофьев, Товарищи председателя — Тихонов и Н. Энгель, Секретарь правления — Шмерельсон, академический секретарь правления — Рождественский».¹ Во главе Союза встал И. И. Садофьев — большевик, профессиональный революционер, деятель Пролеткульта и группы «Космист».

Кузмин тяжело переживал свое удаление от дел Союза, встраивая его в общую череду неудач, выпавших на его долю в 1923–1924 годах, о чем писал в дневнике: «Год неудач: Москва, долги, Раков. Не хотят выбирать в правление» (16 апреля 1924 года, л. 194²), «Предчувствия мои начинают сбываться. В Союзе меня, конечно, прокатили и правление меня предало. Ну, черт с ними!» (20 апреля, л. 203); «Утром был в Союзе. Ничего нет и надуты. Выперли и надулись, — вот скоты-то!» (21 апреля, л. 205). Список «неудач» свидетельствует об утрате Кузминым того символического статуса, который он приобрел несколькими годами ранее. В 1925 году пролетарский критик В. О. Перцов напишет: «...никакими токами не удастся гальванизировать для современности такого писателя, как Кузмин» — и поставит Кузмину в вину то, что его взгляды на искусство «мог бы сказать какой-нибудь филистер в журнале „Аполлон“ за 1907 год».³ Способность Кузмина связывать разные культурные эпохи, бывшая еще несколько лет назад безусловным свидетельством таланта, стала недостатком: культурное строительство приобрело новые ориентиры. Любопытно, что полностью от Кузмина в Союзе «не отказались»: в протоколе заседания Правления от 9 октября 1925 года в числе предстоящих мероприятий значится подготовка к проведению (совместно с Союзом писателей) юбилейного вечера Кузмина по поводу 20-летия его литературной деятельности.⁴ В это же

¹ Протоколы заседаний ЛО Правления Союза Поэтов // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1–1 об. Протокол № 1. 12 апр. 1924 года.

² Здесь и далее Дневник Кузмина цит. по: *Кузмин М.* Дневник XIV (18 февраля 1924 — 16 ноября 1924) // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62 с указанием в скобках номера листа.

³ *Перцов В.* По литературным водоразделам. 1. Затишье // Жизнь искусства. 1925. № 43 (1070). 27 окт. С. 5, 6.

⁴ Протоколы заседаний ЛО Правления Союза Поэтов // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 28. Протокол № 28/6. 9 окт. 1925 г.

время Кузмин стал почетным членом созданной при Союзе «Ленинградской ассоциации неоклассиков»,¹ принимал участие в изданиях.² Не играя решающей роли в жизни Союза, Кузмин, однако, был нужен последнему для упрочения собственной репутации и демонстрации лояльности поэтам «предшествующих эпох»: «Все крупнейшие поэты Ленинграда: Сологуб, Ахматова, Кузмин состоят членами ВСП и организуют в Ленинграде отделение, в которое входят и все пролетарские поэты Ленинграда».³ «Классики» какое-то время оставались нужны для поддержания определенного статуса, напоминания о литературной традиции и преемственности. Партия приветствовала «попутчиков», так как «выступала за возможно более полное сохранение всех унаследованных культурных ценностей при условии их идеологически-критического усвоения и порицала <...> пренебрежение так называемой преемственностью».⁴

Союз, начавший свое существование как литературная группа, неумолимо подвергался изменениям. Какое-то время «преемственность» была еще актуальной дискурсивной моделью, конструирующей практики Союза. Хотя состав «приемочной» комиссии качественно изменился — в 1925 году в нее вошли молодые поэты: Тихонов, Крайский, Рождественский, Эрлих, Вагинов и Е. Г. Полонская (оценка, таким образом, поручалась не «старшим» или «признанным» поэтам, а статусно равным потенциальным членам Союза), в первое время существования (1925 год) ее рецензии ничем не отличались от отзывов 1920–1921 годов. Новые рецензенты оперировали теми же категориями, что и их предшественники: «Стихи Афанасьева-Соловьева отмечены бледным, но все же дарованием» (З, с. 96), «Последнее стихотворение представляется мне цельным и не лишенным непрерывности поэтического дыхания» (З, с. 97), «Вера Кровицкая вполне

¹ Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз поэтов. С. 109–110.

² Поэты наших дней. М., 1924; Костер. Л., 1927; Новые стихи. М., 1927.

³ Захаров-Мэнский Н. Н. Письмо в редакцию // Вечерняя Москва. 1924. 10 апр. № 84. С. 3. Цит. по: Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз поэтов. С. 94.

⁴ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине: 1917–1932 гг. М., 1998. С. 64.

владеет языком поэзии» (3, с. 98). Категория «подлинного» поэта преобладает и в рецензиях этого периода: «Он — несомненно — поэт» (3, с. 97), «Эрлих — вполне поэт» (3, с. 97). Смена ориентиров не происходила одновременно: несмотря на усиливавшийся контроль со стороны государственных учреждений, Союз некоторое время успешно существовал, опираясь на практики, разработанные поэтами предшествующей эпохи.

После 1925 года эти практики приема резко меняются: условием вступления в Союз становится стандартизированное заявление вступающего в профессиональный союз, анкета — вариант рабочей биографии поэта (вступающему желательно было перечислить места, где он работал и печатался¹) и 10 стихотворений. Союз перестает быть закрытым объединением, становясь в полной мере «союзом» — организацией, открытой для всех желающих, способных предоставить доказательства своей профессиональной деятельности.

Расширение границ отражало магистральную тенденцию эпохи — демократизацию литературы. Широкое рабкоровское и селькоровское движение, ставившее своей целью взаимопроникновение практик писательства и рабочей деятельности и в итоге — размытия писательского статуса будет спустя несколько лет теоретически обосновано в документах ЛЕФа.² Статус «писателя» размывался, с одной стороны, путем развенчания мифа о «пророке»,³ и с другой — отказом признавать «писательство» как самодостаточную категорию. Требования к писателю/поэту подспудно менялись: важным и определяющим становилось не умение писать вообще,

¹ См.: Заявления разных лиц в ЛО Правления Союза поэтов о вступлении в Союз... // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 8 (Титов А.), 9 (Заводчиков В.), 10, 23 (Синельников И.).

² Об этом см.: *Калинин И. Угнетенные должны говорить: Массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов* // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. М., 2012. С. 587–663.

³ См.: «Писатель, видите ли, особенный, неповторимый, несоизмеримый с другими, ясновидец, пророк и прочая, и прочая, и прочая. <...> Писательский кустарный индивидуализм неизбежно порождает, таким образом, недоверие к отчетливому общественно-политическому мышлению, недоверие к директиве и пытается право на это недоверие оправдать и защитить» (*Третьяков С. Продолжение следует* // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н. Ф. Чужака. М., 1929. С. 264).

а умение писать «правильно», отражая в своих произведениях господствующие идеи социального строительства.

Демократизация сказалась и на составе Союза: если на начальном этапе большую его часть составляли либо поэты «старшего» поколения, либо их непосредственные ученики, то уже в конце 1927 года из 63 членов союза остались лишь шестеро, чья литературная карьера началась до революции; сам Союз был на треть рабоче-крестьянским.¹ Писатели «старшего» поколения все более и более оттеснялись или самостоятельно дистанцировались от жизни Союза: при перерегистрации членов Союза в марте 1926 года из списков исчезли имена Ахматовой, Лозинского, Павлович, Радловой, Пиотровского, Эрберга и др.

Последнее упоминание о Кузмине в архиве Союза относится к январю 1929 года (обсуждалось его выступление на одном из поэтических вечеров²). Через несколько месяцев Союз поэтов перестанет существовать — 19 октября 1929 года он войдет в качестве отдельной секции в Союз писателей. На короткое время Союз писателей станет главной литературной организацией Ленинграда. Однако если Союз поэтов был для Кузмина прежде всего платформой для влияния, попыткой определить и упрочить свое место в литературе, то Союз писателей стал источником дополнительного (а временами и основного) дохода.³ Творческой активности Кузмин в Союзе писателей не проявлял: время распада Союза поэтов совпало со временем отхода Кузмина от публичной деятельности.

Динамика деятельности Кузмина в Союзе поэтов отражает изменения литературной репутации автора, напрямую связанные с историко-культурным контекстом. В самом начале 1920-х годов сохранялась возможность преемственного развития литературы, во главе которой могли бы стать писатели, активно участвовавшие в литературной жизни 1910-х годов. Поэтому перспективной была идея объединения поэтов

¹ Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз поэтов. С. 100–101.

² Протоколы заседания ЛО Правления Всероссийского Союза поэтов // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 16. Л. 14. Протокол № 66/9 от 10 января 1929 года.

³ См. заявление Кузмина о предоставлении пенсии: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

Петрограда в Союз, возглавляемый Кузминым, который на короткий момент стал главным хранителем ушедшей культуры, учителем и мэтром — сам Кузмин, вероятно, понимал это изменение своего публичного образа и всячески его культивировал. Но к середине 1920-х вектор развития культуры изменился: писателю ставилось в прямую обязанность участие в деле социалистического строительства. Для писателей, начавших свою карьеру в 1900-х годах, это означало, в числе других вариантов, либо присвоение статуса «попутчика», либо вытеснение на периферию литературного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине: 1917–1932 гг. М., 1998.
2. Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисл. и публ. М. Вс. Рождественской, комм. Р. Д. Тименчика; II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Д. Тименчика. // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. С. 687–691; С. 694–695.
3. *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. М., 2013.
4. *Калинин И.* Угнетенные *должны* говорить: Массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. М., 2012. С. 587–663.
5. *Кларк К.* Петербург — горнило культурной революции. М., 2018.
6. *Кузмин М. А.* Проза и эссеистика. В 3 т. / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика.
7. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение): Период становления. 1920–1923 гг. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
8. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 84–141.
9. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 83–139.
10. *Кобринский А. А.* Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 69–83.
11. *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.

12. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2005.
13. *Malmstad J. E.* Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.]. München, 1977. Т. 3. С. 7–319.

REFERENCES

1. *Ajmermakher K.* Politika i kul'tura pri Lenine i Staline: 1917–1932 gg. M., 1998. (In Russ.)
2. Blok i Soyuz poetov. I. Blok v arkhive Vs. A. Rozhdestvenskogo / Predisl. i publ. M. Vs. Rozhdestvenskoj, komm. R. D. Timenchika; II. Otzyvy, sohranivshiesya v drugih arkhivah / Publ. R. D. Timenchika. // Literaturnoe nasledstvo. M., 1987. Т. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 4. S. 687–691; S. 694–695. (In Russ.)
3. *Bogomolov N. A., Malmstad Dzh. E.* Mihail Kuzmin. M., 2013. (In Russ.)
4. *Kalinin I.* Ugnennyye dolzhny govorit': Massovyy prizyv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub'ekta, 1920-e — nachalo 1930-h godov // Tam, vnutri: Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kul'turnoj istorii Rossii: Sb. statej. M., 2012. S. 587–663. (In Russ.)
5. *Klark K.* Peterburg — gornilo kul'turnoj revolyucii. M., 2018. (In Russ.)
6. *Kuzmin M. A.* Proza i esseistika. V 3 t. / Sost., podg. tekstov i komm. E. G. Domogatskoj, E. A. Pevak. M., 2000. Т. 3: Esseistika. Kritika. (In Russ.)
7. *Kukushkina T. A.* Vserossijskij Soyuz pisatelej (Petrogradskoe otdelenie): Period stanovleniya. 1920–1923 gg. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 2008. (In Russ.)
8. *Kukushkina T. A.* Vserossijskij soyuz pisatelej. Leningradskoe otdelenie (1920–1932): Oчерk deyatel'nosti // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god. SPb., 2006. S. 84–141. (In Russ.)
9. *Kukushkina T. A.* Vserossijskij soyuz poetov. Leningradskoe otdelenie (1924–1929): Obzor deyatel'nosti // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody. SPb., 2007. S. 83–139. (In Russ.)
10. *Kobrinskij A. A.* Materialy Grigoriya Shmerel'sona v Rukopisnom otdele Pushkinskogo doma // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god. SPb., 2006. S. 69–83. (In Russ.)
11. *Lekmanov O. A.* Kniga ob akmeizme i drugie raboty. Tomsk, 2000. (In Russ.)
12. *Fitzpatrik Sh.* Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka. M., 2005. (In Russ.)
13. *Malmstad J. E.* Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Kuzmin M. A. Sobraie stihov: [V 3 t.]. München, 1977. Т. 3. С. 7–319.